

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ КРИТИКА ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА

Кускова С.М.

*кандидат филос. наук, доцент кафедры гуманитарных наук
Электростальский политехнический институт
(Москва, Россия)*

УДК 1/14 (091), 111.82; ББК 87.2+87.1

В статье предложен подход обоснования познания предметов, понимаемых не как индивиды, а как совокупности. Социальное измерение имеет всякий объект от множества до человеческого общества. Исходя из положения Канта о проецировании субъектом структуры своей организации на объект, мы пытаемся найти такие априорные формы общественного сознания, которые задают видение явлений как состоящих из однородных частей.

Ключевые слова: трансцендентальный подход, априорные формы, социальное познание, формальные свойства, общественное сознание.

TRANSCENDENTAL CRITICISM OF COGNITION OF A SOCIAL OBJECT

Kuskova S.M.

*PhD in Philosophy (Logics), teacher in department of Humanities
Elektrostal Polytechnic Institute
(Moscow, Russia)*

According to Kant, the result of cognition of an object is determined by the internal organization of the cognizing subject. How is knowledge of social systems possible? To answer this question, it is necessary to identify the structure of consciousness that provides the consideration of any entity as a set of parts. The sciences of complex systems, such as cybernetics and synergetic, are based on the fundamental systemic nature of the transcendental subject. The knowledge of society depends on the fact that it is not an empirical, but a universal subject that implements it. The subject projects his inner social structure on a cognizable phenomenon.

Keywords: Transcendental approach, a priori forms, social cognition, formal properties, social consciousness.

Исследование априорных форм познания явлений на первом этапе отвлекается от внутренней структуры явлений, рассматривая их как индивиды. Учитывая их положение в пространстве и времени, вхождение в те или иные отношения, присутствие или отсутствие, степень достоверности для рассудка, мы проецируем на многообразие явлений структуру деятельности индивидуального сознания. Для подведения предмета под категории и априорные формы чувственности полезно принимать предмет любой степени сложности за индивид. Этот индивид стоит в познавательном отношении к трансцендентальному субъекту, задающему единственную перспективу видения объекта. Но само многообразие возможных явлений не определено именно этой перспективой, оно не предполагает единственности данного. Надо прояснить характер такого многообразия.

Согласно Канту, не познание должно соотноситься с предметами как они суть сами по себе, а предметы должны соответствовать с организацией сознания. Он пишет: «не предмет включает в себе связь, которую можно заимствовать из него путём восприятия, только благодаря чему она может быть усвоена рассудком, а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность а priori связывать и подводить многообразное содержание данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всём человеческом знании» [2, с. 193]. Обобщим данный подход на

общественную природу человеческого сознания. Конструирование сложного предмета, элементы которого образуют совокупность любой степени упорядоченности, требует нахождения в рассудке соответствующей структуры, то есть, чтобы рассудок а priori был социальным и приписывал это свойство объекту.

Советские философы, например, И. С. Нарский, критиковали Канта за невнимание к истории развития средств и субъекта познания. «Он перенес центр тяжести исследования на анализ структуры и законы деятельности некоего абстрактного и в принципе неизменного субъекта вообще» [4, с. 29]. Но мы не считаем недостатком синхронического подхода его внеисторический характер. В застывшей структуре сохранены компоненты предшествующих стадий. Часть информации об истории развития системы доступна и при синхроническом подходе в её исследовании. Индивидуальное сознание – это результат развития сознания общественного и сохраняет в себе структуры социальности. Это структуры могут быть проецированы на объекты. Если объект необходимо имеет особое социальное измерение, то возможна фундаментальная наука о социальных структурах любых предметов вообще. Дихотомия «индивидуальное – социальное» не зависит от противопоставления «биологическое – духовное» даже в изучении природы человека. Любой объект: физический, биологический, идеальный, может представлять собой индивид или совокупность. Человеческое сознание, направленное на объект, может рассматриваться в одном аспекте как индивидуальное Я, а в другом аспекте как центр пересечения социальных отношений. При отвлечении от всякого содержания этих отношений получим чистую структуру социальности вообще, имеющую корреляты в структурах предметов неклассической науки. Соответственно двум измерениям сознания, его предмет, с одной стороны, есть единство, определяемое свойствами, присущими этому предмету независимо от других предметов. С другой стороны, предмет есть результат взаимодействия не только элементов, из которых он состоит, но и структур, элементом которых он сам является. Второй аспект и есть социальный параметр явления, имеющий трансцендентальные основания в социальной структуре субъекта.

Такие характеристики сознания, как внутренняя системная организованность и наличие разных типов связи с разными типами других сущностей, влияют на характеристики явления.

Явление оказывается, во-первых, системой взаимосвязанных элементов. Во-вторых, явление определяется входением в систему отношений со сходными явлениями. В-третьих, явление определяется способами входений в отношения с разнородными явлениями.

Мы не принимаем объяснения содержания познаваемого материала социальной практикой познающих субъектов. Антропологический подход, объясняющий всеобщие категории трансцендентального субъекта историческими формами организации общества, неприменим в объяснении точных наук. Мы рассматриваем влияние формальных свойств социальной природы сознания на внутреннюю и внешнюю структуру системно организованного объекта. Кант обосновал априорный характер математики для естествознания тем, что её условия возможности суть формы чувственности, организующие любой возможный опыт вообще. И нет таких разнородных явлений природы, к которым бы не были приложимы математические законы, поскольку явления определяются познавательными способностями субъекта. Математика изучает и физический мир в самом фундаментальном его аспекте – пространственно-временной организации, отвлекаясь от эмпирических свойств измеряемых элементов.

Физический мир имеет и другое измерение: взаимодействие устойчивых совокупностей, элементы которых, в свою очередь, связаны отношением, подпадающим под кантовскую категорию «общение». Явления представляют собой некие сообщества. Такое представление должно иметь трансцендентальное обоснование, формальные условия данности сознанию чего-то не в качестве индивида, а в качестве совокупности. Поскольку искомое условие присуще деятельности рассудка а priori, постольку познание особого социального параметра любого явления становится фундаментальным. Это не социология, которая базируется на естествознании, и, в свою очередь, на математическом фундаменте, по отношению к которым её собственный предмет случаен. Это познание системных свойств любых совокупностей,

данных в опыте, обусловлено соответствующей априорной структурой сознания. Кант указывает фундаментальную способность связывать многообразие в единый предмет: «мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений связь есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [2, с. 190]. Согласно К. Марксу, преобразование данного мира в сознании совершает не абстрактный индивид, а универсальный человек, из перспективы системы общественных отношений. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо. Или можно сказать еще так: он есть сознательное существо, т.е. его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо. Только поэтому его деятельность есть свободная деятельность» [3, с. 89]. Но у Маркса общественная природа человека получает структуру общественной практики преобразования физических тел, что предполагает материалистическую метафизику. В нашем случае метафизического посредника между общественной структурой субъекта и социального аспекта познаваемого объекта нет. Их структурное сходство обусловлено чистой формой интеллектуальной деятельности. Когда я объединяю индивиды в множество, отношу индивид ко множеству или исключаю из него, я действую не как изолированный индивид, а как представитель разумного существа вообще. Варьируя случайные обстоятельства, в которых может протекать познавательный процесс, я пробегаю по множеству возможных эмпирических субъектов, чьи уникальные характеристики безразличны для результата познания.

Так, разбиение многообразия внешних явлений на разные классы эквивалентных элементов воспроизводит строение социального субъекта. Внутри каждого слоя элементы взаимозаменяемы, но сами слои различны.

Идея множества не иллюстрируется кучей песчинок. Между песчинками есть пространственно-временные отношения, от которых надо абстрагироваться, чтобы каждая реальная частица находилась в одном и том же отношении с каждой другой частицей. Отношения между элементами множества, в отличие от отношений между песчинками кучи, не являются пространственно-временными. Подобные отношения «Я – другой», в которых находится человек с развитым самосознанием, не основаны на фактических отличиях внешности, статусов и поведения людей, а состоят в чистом различии отдельных индивидов. Выделенное из многообразия индивидуальное сознание проецирует свою самую общую форму на многообразие явлений, выделяя в нём произвольный индивид.

Рассмотрение объекта как некоторого элемента класса – это акт развитого индивидуального субъекта. В эмпирическом мире нет множеств, а есть совокупности так или иначе упорядоченных пространственно-временными и динамическими связями частей. Одни совокупности высоко организованы, как часы или животные. Другие слабо организованы, как облака и кучи орехов. Те и другие комплексы даны рассудку посредством его социальной структуры.

Мы полагаем, что связь между структурой субъекта и структурой объекта осуществляется благодаря способности суждения. «Способность суждения вообще есть способность мыслить особенное как подчинённое общему» [1, с. 50]. Определяющая способность подводит особенное под заранее данное всеобщее. Рефлектирующая способность ищет всеобщее, под которое подводится имеющееся особенное. Она имеет априорные принципы формальной целесообразности объекта безотносительно к целям субъекта. «Природа представляется таким образом, будто некий рассудок содержит основание единства многообразия её эмпирических законов» [1, с. 51]. Это правомерный трансцендентальный принцип. Метафизический принцип, а priori навязывающий такую информацию о предмете, которая может быть получена эмпирически, – неправомерен. Положение о том, что природа делает всё наиболее экономным способом – это метафизический принцип. Он взят не из чистого рассудка, а из общественной жизни. Принцип систематического единства бесконечного многообразия эмпирических законов – трансцендентальный, так как он

выражает условие рассудочного познания природы. Как целесообразно мыслить предмет – это не объективный принцип вещи самой по себе, а субъективный принцип. Именно поэтому субъект, встречая эмпирический объект, подпадающий под принцип целесообразности, испытывает удовольствие. Это неудовлетворение частных интересов индивида, а чистое наслаждение представителя разумного существа вообще от факта соответствия сущего должному. Способность суждения позволяет делить явления на роды и виды даже в том случае, если бы разнообразие природы оказалось слишком велико, чтобы мы могли его упорядочить. Она не предписывает закономерности природе, а предписывает правила исследования и рефлексии.

Связь эстетического измерения объекта с его внешней структурой описывает М. Хайдеггер, сравнивая понятия «вещи», «изделия» и «художественного творения». В обыденном языке употребление этих слов различно в зависимости от функции денотата в общественной практике. Понимание вещи как субстанции, обладающей акциденциями соответствует простому субъектно-предикатному суждению. Но Хайдеггер спрашивает: «строение простейшего суждения (связывания субъекта и предиката) – это зеркальное отражение строения вещи (объединения субстанции с акциденциями)? Или, быть может, строение вещи, представленное в таком виде, набросано в соответствии с каркасом суждения?» [5, с. 58]. Он полагает, что «строение вещи и строение суждения в своей сложности и в своих возможных взаимосвязях берут начало в одном, общем для них изначальнейшем источнике» [5, с. 58]. Вещь может представляться как комплекс ощущений, разлагаться на них в анализе. Но мы не воспринимаем сначала цвета и звуки, а потом идентифицируем и синтезируем их. Мы слышим свист ветра в трубе, гул машины и хлопок дверью, а не акустические ощущения. Поэтому целостная вещь ближе к нам, чем ощущения. Согласно Хайдеггеру, искусственные изделия более выражают, что значит быть вещами, чем природные явления. Изделие служит цели и информирует о деятельности, в которой используется. Изделие не самодостаточно, оно – часть социальной практики. Художественное творение более информативно, чем простой товар, и имеет самодостаточность, подобную явлению природы. Картина Ван Гога, изображающая крестьянские башмаки, содержит информацию о жизни людей, о земле и тяжком труде, о характере хозяйки и её отношении к делу. Реальные же башмаки для работы в поле несут меньше информации. Их форма и материал соответствует условиям использования, фасон – моде исторического периода. Еще меньше можно узнать, анализируя башмаки как физическое тело. Таким образом, вещь как субстанция с акциденциями – это редуцированное изделие, а изделие – это редуцированное художественное творение. Восприятие вещи как индивида оказывается результатом абстракции от системы отношений, в которых индивид был дан изначальным.

Неклассическая наука, представленная концепциями самоорганизации, которые не суть особые дисциплины, а скорее, аспекты рассмотрения всякой системы, имеет основание в способности суждения универсального субъекта.

Плодотворность трансцендентального подхода к изучению социальных форм выражается в конструировании новых свойств познающего субъекта посредством их усмотрения в системной организации объекта. Это не социальная герменевтика, расшифровывающая в письме философа бессознательные проблемы социального класса, к которому он принадлежит. Это формальные характеристики самого типа социальной системы, которому принадлежат и трансцендентальный субъект, и познаваемый объект. Априорная структура деятельности рассудка налагает самые общие ограничения на явление, задаёт рамочные параметры. Опираясь на них, рассудок обнаруживает в явлении новые свойства, не редуцируемые к сумме свойств его частей. Однако выявление эмерджентного свойства имеет основание в организации субъекта, и было только спроецировано на объект. Следовательно, общая схема эмерджентного свойства объекта присуща сознанию, которое не просто наблюдает отражённые в объекте свойства самого себя, но и создаёт их и присваивает. Социальная структура сознания не задана, а конституируется за счёт приращения информации о системных свойствах явлений.

Список литературы

1. Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Соч. в 6 Т. т. 3. – 1966. – 799 с.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К. Энгельс Ф. Собр. Соч. т. 24. М.: Госполитиздат, 1974. – 566 с.
4. Нарский И.С. Кант. – М.: Мысль, 1976. – 207 с.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения. // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.

АРГУМЕНТАЦИЯ И КРИТИКА¹

Лисанюк Е.Н.

*доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 162.6

В докладе предложены три взгляда на критику в аргументации, связанные с тремя подходами к пониманию аргумента, выводным, диалогическим и абстрактным. Выводной и диалогический аргументы нацелены на обоснование заключения, а абстрактный – на отклонение аргументов в защиту противоположного заключения. Выводной аргумент предполагает одношаговую критику на основе его анализа и окончательную оценку, диалогический подразумевает многошаговый пересмотр оценки, осуществляемой по итогам диалога, а функция абстрактного аргумента сводится к его способности противостоять контраргументации и демонстрирует его роль в защите от критики множества аргументов, к которому он принадлежит.

Ключевые слова: аргумент, выводной, диалогический и абстрактный аргумент, критерии оценки аргументов, контраргумент, критика пригодности аргумента.

ARGUMENTATION AND CRITICISM

Lisanyuk E.N.

*Doctor of Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)*

In the paper we offer three views on what criticism is in argumentation and relate them to three approaches to arguments, inferential, dialogical and abstract. The inferential and dialogical arguments aim at demonstrating the conclusion, while the abstract argument focuses on rejecting arguments in defense of the opposite conclusion. The inferential argument implies a one-step criticism based on its analysis and it is its final evaluation, the dialogical argument presupposes a multi-step revision of its evaluation carried out as a result of the dialogue; the function of the abstract argument amounts to its ability to decline counterarguments, which demonstrates its role in defending the set of arguments to which it belongs.

Keywords: argument, inferential, dialogical and abstract argument, criteria for arguments' evaluation, counterargument, criticism of arguments.

¹ Исследование проводится при поддержке РНФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».